

УКРАИНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

Под общей редакцией проф. Л. А. Кудрявцевой

Киев – 2014

22. *Экспедиция французов в Египет. Из Записок Наполеона, изданных после его смерти французскими генералами, участвовавшими в сей экспедиции. Пер. с фр. - М. : Университетская тип., 1832. - 222 с.*

О. В. Тарарак, канд. філол. наук, доц.

Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди, Харків

Поетика заголовків російських видань, присвячених Наполеону

В статті робиться спроба проаналізувати поетику заголовків російських видань, присвячених Наполеону, що дозволяє осмислити зміну відношення суспільства до особистості завойовника. Осмислено заголовки книг від 1803 до 1913 рр., в яких відбулася зміна позитивної семантики на негативну, а потім нейтральну. До сторіччя Вітчизняної війни 1812 р. в семантиці заголовку книг зафіксовано іронічне зниження. Заголовки книг, присвячені особистості й діяльності імператора, не можуть бути однозначним свідцтвом того шляху, який російське суспільство пододало в своєму ставленні до Наполеона, адже його виражають і газетні публікації, і «Злочин і кара» Ф. Достоєвського, і журнальні памфлети, і «Війна і мир» Л. Толстого. Поряд із цим, їхня поетика дає виразні сигнали про те, що така зміна відбулася, і сакралізована на початку ХІХ ст. фігура Наполеона виявилася за сто років «великою помилкою» та «не генієм». Здійснені спостереження над структурою заголовків, в тому числі, над їхніми подвоєннями.

Ключові слова: поетика заголовків, подвоєння заголовку, іронічне зниження, сакралізація.

O. Tararak, candidate of Philological Sciences, lecturer

Kharkiv National Pedagogical Skovoroda University, Kharkiv

Poetics of Russian editions` titles, dedicated to Napoleon

In our article we made an attempt to analyze the poetics of Russian editions` titles, dedicated to Napoleon. This attempt gives the possibility to understand, that the relation of the Russian society to the personality of the conqueror has changed. There were examined the book titles from 1803 till 1913, in which the positive semantics changed to negative one and then to a neutral one. In a century after the Patriotic war 1812 we can fix in the semantics of the book titles an ironic decrease. The book titles, dedicated to the personality and activity of the emperor cannot be an unique evidence of that way, which the Russian society travelled in its relation to Napoleon, it can be seen everywhere: newspaper articles, «Crime and Punishment» of F. Dostoevsky, magazine pamphlets, «War and Peace» of L. Tolstoy. At the same time their poetics gives the clear signals, that such a change happened, and the sacralization of Napoleon`s personality at the beginning of the 19th century appeared a «big mistake» and «not a genius». The supervisions were made over the structure of titles and also over their duplication.

Key words: the poetics of the titles, title duplication, ironic decrease, sacralization.

УДК 821.161.1.09

Т. И. Тверитинова, канд. філол. наук, доц.

Киевский университет имени Бориса Гринченко, Киев

ТРИ МИФА О «МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматриваются созданные Н. В. Гоголем три мифа о «маленьком» человеке. Исследуются гоголевские самозванцы (Ковалев, Хлестаков) и особенности их городского бытия. В гоголевском мифе о мечтателе («Невский проспект») обращается внимание на определенную систему сновидений. В повести «Шинель» миф о переписчике можно рассматривать и как житие,

и как один из вариантов «мифа о пути», пронизанного евангельскими мотивами о последних временах.

Ключевые слова: миф о самозванце, миф о мечтателе, миф о переписчике, система сновидений, житие, миф о пути, петербургский текст.

Как известно, образ «маленького человека» в русскую литературу ввел А. С. Пушкин. Н. В. Гоголь в петербургских повестях внес свои дополнения в социальный портрет героя: человек этот, беспомощный и беззащитный в большом городе, служит мелким чиновником, «вечным» титулярным советником, без всяких надежд на повышение и улучшение жизни. Именно такого героя унаследовали у Гоголя писатели натуральной школы, молодые реалисты, вышедшие, как точно заметил Достоевский, «из гоголевской шинели». Однако лишь немногие из них смогли понять, что автор не просто описывает жизнь столичного города и человека в нем, он их мифологизирует.

Петербург у Гоголя выступает не только как объект, но и как субъект исследования, довлеющий на ум и психику «маленького человека» и сводящий его сущностную реальность к нулю. Типичное для героев стремление противостоять фантазмагоричности петербургской действительности представлено их мифологизацией по образу жизни (миф о самозванце, миф о мечтателе) либо по роду занятий (миф о переписчике). В своей книге «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев, размышляя о несомненной тождественности личности с мифом, пишет: «Миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности... Личность берется в мифе исторически, а из ее истории берется вся словесная стихия» [Лосев 1991, 74]. И герои, и ситуации (психологические, бытовые) в их жизни у Гоголя настолько исторически конкретизированы, что приобретают характер универсально-обобщающих праобразов, мифологических по своей сущности. Таким образом, мифичны его герои, которые в стремлении противостоять давлению фантазмагорической петербургской действительности образуют определенные подгруппы творимого Гоголем петербургского текста – миф о самозванце, миф о мечтателе и миф о переписчике, пересекающиеся с более крупным его созданием – мифом о Петербурге.

Генеалогия гоголевских самозванцев начинается с калейдоскопа лиц на Невском проспекте, где каждый стремится обмануть другого, выдавая желаемое за действительное, затем она конкретизируется в специфике жизни столичных чиновников: коллежского асессора Ковалева, коллежского регистратора Хлестакова и титулярного советника Поприщина. В. Г. Короленко, исследуя сущность самозванства, находил в нем отражение национальной болезни, которая происходит от того, что душа человека «начинает раскачиваться, как маятник, между двумя исконными полюсами русской жизни, произволом, с одной стороны, бесправием, с другой» [Короленко 1914, 358–359]. Платон Ковалев, герой повести «Нос», с самого начала выступает как самозванец: он получил чин коллежского асессора не за сданные экзамены на ученый аттестат, а за службу в отдаленной Кавказской области, где желаемый чин присваивался сразу же по прибытии. Однако этого ему мало: он самовольно называет себя майором, не числясь по военной службе. В «Табели о рангах» чин коллежского асессора приравнивался к майорскому лишь формально, фактически же он был двумя рангами

ниже, а закон и вовсе запрещал гражданским чиновникам именоваться военными чинами. Самозванство оказывается защитной реакцией героя в петербургской действительности, позволяющей ему создать вокруг себя призрачный мир мнимого довольства и благополучия. Самодовольство, «задирание носа» героя наказано комически: от него нос и сбежал и, продолжая линию самозванства своего хозяина, взлетел на три ранга выше, став статским советником.

Расщепление сознания, появление двойника, воплотившего все честолюбивые замыслы и устремления хозяина, оставляет последнего при полном поражении. Как считает Т. Линдстрем, в повести представлена «картина испытываемого человеком подсознательного страха перед распадом собственной личности, его боязни потерять вследствие этого свое социальное лицо, положение, карьеру. Нос майора Ковалева в такой интерпретации становится символом его мужского «я» [Lindstrom 1974, 112]. В таком случае уместно вспомнить об одной детали: в газетной экспедиции чиновник предлагает Ковалеву табакерку, на крышке которой был изображен портрет какой-то дамы в шляпке, что окончательно возмутило героя: ведь из-за потери носа не только табак, но и дама как воплощение мечты о выгодной женитьбе, теперь ему недоступны.

Разоблаченный полицией самозванец-нос возвращается на свое место, а Ковалев, наконец, успокаивается и, движимый неистребимым порывом к самозванству, покупает в Гостином дворе ленточку для ордена, не являясь кавалером какой-либо награды.

Гоголь рассматривает проблему отношения власти в лице полицейско-чиновничьего аппарата к самозванству в двух аспектах: или она не дает ему развернуться («Нос») или же сама начинает активно потворствовать стремлению к самозванству, что проявилось в ситуации «Ревизора». Герой комедии Хлестаков выступает вначале самозванцем поневоле. Его, незначительного чиновника последнего класса, не сумевшего сделать карьеру в Петербурге, волею случая принимают в уездном городе за важного ревизора. Пустота и легкомысленность помогают ему не только усвоить предложенную роль, одолев «в воображении за несколько минут всю лестницу чинов – от коллежского регистратора до фельдмаршала» [Лотман 1988, 302], но и возместить моральный ущерб за время неизвестного существования в Петербурге. Хлестаков постоянно раздваивается между действительным и желаемым. В первом измерении – он ничтожный «чиновник для письма, эдакая крыса», живущий на верхнем этаже доходного дома и имеющий возможность лишь изредка пользоваться столичными благами, и то только благодаря денежной поддержке отца. Во втором же – его прельщает богатая светская жизнь, известная лишь понаслышке, однако вдохновляющая его в знаменитой сцене вранья. Как справедливо замечает Ю. М. Лотман, «вранье потому и опьяняет Хлестакова, что в вымышленном мире он может перестать быть самим собой, отделаться от себя, стать другим, поменять первое и третье лицо местами, потому что сам-то он глубоко убежден в том, что подлинно интересен может быть только «он», а не «я»» [Лотман 1988, 303]. Хлестаков предстает подобно сказочному ложному герою, который лишь на короткий срок появляется на жизненном пиру и пользуется незаконной славой. Таковы два дня хлестаковского самозванства, которые неожиданно предоставили ему возможность самоутвердиться.

Однако если у Хлестакова стремление «отделаться от себя», от своего ничтожного существования проявляется после обильного обеда с губернской мадерой и заканчивается вполне благополучно для него, то для другого гоголевского героя подобная попытка заканчивается трагически («Записки сумасшедшего»).

Обращаясь к мифологизации своего героя-самозванца, писатель исследует его взаимоотношения с петербургской действительностью, выявляет психологические задатки и черты характера, свойственные самозванству, чтобы представить потом три возможных варианта финала: самый благоприятный, когда герой не подвергается разоблачению, а, насладившись неожиданным триумфом, исчезает, в данном случае ему удается хоть на короткое время инсценировать свой миф «я – это не я, а кто-то другой, важный»; в другом варианте герой получает как бы предупреждение за свои непомерно высокие претензии, причем Гоголь облекает происшедшее в фантастику, ушедшую в быт, в вещи, в поведение людей и в их способ мыслить и говорить: появившийся двойник-нос героя лишает его не только честолюбивых надежд на карьеру и фортуна, но и делает его существование настоящей трагедией, однако ровно через тринадцать дней все возвращается на свои места; и, наконец, самый трагический вариант, когда сознание героя расщепляется (признак городской болезни), и он, окончательно поверив в свой придуманный статус, навсегда уходит в свой мифологический мир, что ведет к необратимым явлениям и – к гибели.

Гоголь мифологизирует и другой способ защиты от окружающей действительности – уход в мечтательство. С самого начала своего повествования он оговаривается, что его герой, «художник петербургский», принадлежит к тому классу, который составляет... довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру» [Гоголь 1983, 9]. Как замечает И. В. Карташова, в «лице Пискарева Гоголь создает, по существу, первый в русской литературе образ мечтателя и сосредоточивается на психологическом раскрытии его столкновения с действительностью» [Карташова 1983, 51]. Кардинальный романтический конфликт, который сделал жизнь Пискарева ужасной, писатель низводит на реальную почву петербургской действительности, чем и обусловлено прежде всего превращение романтического героя в реалистический характер.

Встретившись на Невском проспекте с прекрасной незнакомкой и поразившись ее истинной жизни, Пискарев уходит в мир фантастических грез, навеваемых опиумом, сосредоточившись на своей идеальной моноиде: «Наконец сновидения сделались его жизнью, и с этого времени вся жизнь его приняла странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне». Однако создавая созданное лжебытие, в котором он и предмет свой представлял чище и возвышеннее, герой тем самым начинает оправдывать существующее зло. Гоголь недаром подчеркивает качества своего героя: простодушие и детскую наивность, находя в том и беду, и вину взрослого человека, не умеющего различать высокое и низменное, заблуждение и порок. В конечном итоге Пискарева обманули и Невский проспект, и улыбка красавицы при свете вечерних фонарей, и его фантастический мир сновидений, при выходе из которого он сталкивается с жестокой реальностью и погибает.

В гоголевском мифе о мечтателе, как нам представляется, существует еще один аспект, достойный внимательного изучения. Это сновидения, своего рода иллюзионизм, усиливающий энергию самообмана, однако позволяющий герою хоть в таком состоянии избавиться от довлеющей жестокой реальности, стать неуязвимым и даже счастливым. Именно сновидения дают возможность романтическому воображению Пискарёва осуществлять свои желания. З. Фрейд, исследуя состояние сознательной (днем) и бессознательной (ночью) психической деятельности человека, приходит к заключению, что «это желание может пробудиться днем и вследствие внешних обстоятельств не найти себе удовлетворения, в этом случае ночью проявляется признанное и неосуществленное желание» [Фрейд 1991, 289]. Пискарёв, отправившийся вслед за покорившей его красавицей, стремился узнать «ту святыню, где опустилось гостить это божество» [Гоголь 1983, 12], но никак не ожидал, что дорога к святыне приведет в публичный дом. Желание служить красоте было подавлено вечером, а реализация его началась в ту же ночь. Собственно, тогда и составил потрясенный Пискарёв «программу» своих сновидений, осуществление которой шло в порядке его размышлений о случившемся: «Она бы составила неоцененный перл, весь мир, весь рай, все богатство страстного супруга; она была бы прекрасной тихой звездой в незаметном семейном кругу... Она бы составила божество в многолюдном зале, на светлом паркете, при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников...» [Гоголь 1983, 14]. Непреодолимое желание вводит его посредством опиума в иной мир, непреходящий и невещественный. Герой вступает в мифологическую субстанцию, в которой размыты границы между сном и реальностью, берег жизни действительной отодвигается далеко на задний план, уступив место фантазии, обслуживающей «я» героя как один из механизмов психологической защиты от действительности. Выход же из этой субстанции приводит героя к поражению мечты, которое он не в силах пережить.

Гоголь рассматривает один из вариантов ухода от городской суеты, когда единственно доступная герою форма деятельности – переписывание – является способом проявления его личности. В данном случае речь идет о созданном писателем мифе о переписчике, который своей генеалогией исходит из западноевропейской литературы, в русской же он не имеет аналогов. У гоголевского Башмачкина был только один предшественник – студент Ансельм из повести Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок», которому помимо стремления уйти в фантастический мир мечты была свойственна любовь к переписыванию архивных рукописей, написанных каллиграфическим почерком.

Таков и Акакий Акакиевич, которому в переписывании «виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» [Гоголь 1983, 114]. Бессмысленное переписывание букв, в котором заключался, как ни парадоксально звучит, весь смысл жизни Башмачкина, восходит, вероятнее всего, к евангельскому изречению апостола Павла, предупреждающего об опасности служения мертвым буквам: «потому что буква убивает, а дух животворит» [II Кор., 3:6]. Любовь к

переписыванию обнаруживает у Акакия Акакиевича такие качества характера, как кротость, смирение, отрешенность и пренебрежение к насущным благам окружающего мира, восходящие, условно говоря, «к архетипу писца, глубоко укорененному в мировой культуре» [Эпштейн 1984, 139]. Образ жизни гоголевского героя, искушение и испытание его, смерть и последующие за нею посмертные чудеса позволяли исследователям сопоставлять Акакия Акакиевича с героями житийной литературы. А день рождения Башмачкина – 23 марта – соотносится, по мнению О. Г. Дилакторской, «с днем государственного признания труда Дмитрия Ростовского (23 марта 1701 года), литературно обработавшего житие святого Акакия и другие житийные рассказы», признанного тем самым «их своеобразным создателем» [Дилакторская 1986, 202–203].

Как нам представляется, гоголевский миф о переписчике может выступать не только в качестве жития, но и одним из вариантов «мифа о пути» (Д. Е. Максимов), в котором можно выделить следующие эпизоды:

1. Исконное блаженство первобытия. В этом состоянии гоголевский герой, совершенно отрешившийся от окружающей жизни и полностью ушедший в переписывание, пребывает до тех пор, пока петербургский холод не поставит его перед фактом прохуdivшегося «гардероба».

2. Утрата «рая» и нисхождение в жестокий мир материальной действительности наступают после приговора Петровича, вынесенного старой шинели. Новые заботы о средствах на пошив шинели и связанные с ними вынужденные ограничения окончательно выбивают Башмачкина из привычного состояния, он поддается искушению шинелью «на толстой вате, на крепкой подкладке без износу» как «какой-то приятной подруги жизни» [Гоголь 1983, 123]. Изменяется и характер героя, правда, «самые дерзкие и отважные мысли» его не шли дальше стремления положить куницу на воротник; увлекшись подобными размышлениями, он чуть было даже не сделал ошибки при переписывании. Как видим, ужас Башмачкина при первом визите к Петровичу постепенно заменяется деятельностью и приятными размышлениями о будущей шинели, которая, наконец, была сшита.

3. Обретение «новой жизни», соединяющей ценности духовного бытия с магистральной воплощенностью земного наступает в тот момент, когда счастливый Башмачкин надел новую шинель. По мнению А. Хипписли, исследовавшего библейскую и евангельскую семантику одежды в данной повести, можно проследить аналогию между переодеванием Акакия Акакиевича и духовным воскресением [Hippisley 1976, 124–125]. Более того, новая шинель уравнивала его с сослуживцами, один из которых, помощник столоначальника, пригласил его вместе с другими на именной вечер. Однако обретение «новой жизни» оказалось недолговечным: самый счастливый день в жизни Башмачкина заканчивается трагически.

4. Катастрофа с необратимыми последствиями и возможным фантастическим исходом. Итак, у мелкого чиновника украли шинель, и он, впервые оставив службу, пытается восстановить справедливость, но был распечен значительным лицом, заболел и умер. Однако Гоголь не случайно дописывает фантастический финал этой истории: сама петербургская действительность и существование в ней человека представляются фантастическими, здесь нарушаются коммуникационные отношения между людьми

(Акакий Акакиевич – сослуживцы, частный пристав, значительное лицо), что наводит на сопоставление с евангельским изречением: «они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; ...ибо огрубело сердце людей сих...» [Матф., 13:13, 15]. Христианская этика, проповедующая идеи братства и сострадания, была материализована Гоголем в повести «Шинель» в конкретно-бытовые образы, на что обратили внимание в своих работах Р. Кайль, В. Е. Ветловская и М. Вайскопф. Представленный писателем урбанизированный мир отчужденной личности и ее предметное окружение потрясает своей незащищенностью, каждый умирает в одиночку, в большом густонаселенном городе, посреди молчаливого равнодушия. И тогда неожиданно читателю открывается истина: город-левиафан при столкновении с вышедшим из своего мономира маленьким человеком уничтожает последнего, сводя сущностную реальность человеческого образа к нулю: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его никогда не было» [Гоголь 1983, 135].

Гоголь изображает столичный город как «силовое поле», в котором установлен порядок одновременности экстраординарных событий, вызванными случайными стечениями обстоятельств и зависящих лишь от того, в какой момент «маленький человек» займет на нем свое место. Мотивы обманчивости окружающей действительности и невозможности ее постижения, болезненного раздвоения героя в городском пространстве, стремления уединиться в своем замкнутом мире либо взять реванш у этого города обрели в произведениях писателя мифологический подтекст. Восходя к сказочным или агиографическим сюжетам, мифы о переписчике, мечтателе и о самозванце являются существенными компонентами гоголевского петербургского текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гоголь Н. В.* Невский проспект / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения. – Л.: Худож. лит., 1983. – С. 3–35.
2. *Гоголь Н. В.* Шинель / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения. – Л.: Худож. лит., 1983. – С. 111–140.
3. *Дилакторская О. Г.* Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя: Монография / О. Г. Дилакторская. – Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1986. – 208 с.
4. *Карташова И. В.* Об одной гоголевской традиции в творчестве Ф. М. Достоевского (Тема мечтателя) / И. В. Карташова // Гоголь и современность. Творческое наследие писателя в движении эпох. – К.: Вища школа, 1983. – С. 49–56.
5. *Короленко В. Г.* Современная самозванщина. Бытовые очерки / В. Г. Короленко // Полн. собр. соч.: В 14 т. – СПб.: Изд-во А. Ф. Маркс, 1914. – Т. 3. – С. 271–368.
6. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 21–185.
7. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю. М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
8. *Фрейд З.* Толкование сновидений / З. Фрейд. – К.: Здоровья, 1991. – 384 с.
9. *Эпштейн М. Н.* О значении детали в структуре образа («Переписчики» у Гоголя и Достоевского) / М. Н. Эпштейн // Вопр. лит. – 1984. – № 12. – С. 134–145.
10. *Lindstrom T. S.* Nikolay Gogol / T. S. Lindstrom. – N. Y., 1974. – 216 p.
11. *Hippisley A.* Gogol's «The Overcoat»: a Furter Interpretation / A. Hippisley // Slavic and East European Review. – 1976. – № 20. – P. 116–138.

Т. І. Твертінова, канд. філол. наук, доц.

Київський університет імені Бориса Грінченка, Київ

Три міфи про «маленьку» людину в творчості М. В. Гоголя.

В статті розглядаються створені М. В. Гоголем три міфи про «маленьку» людину. Досліджуються гоголівські самозванці (Ковальов, Хлестаков) і особливості їхнього міського буття. В гоголівському міфу про мрійника («Невський проспект») звертається увага на визначену систему сновидінь. В повісті «Шинель» міф про переписувача можна розглядати і як життє, і як один із варіантів «міфу про шлях», що пронизаний євангельськими мотивами про останні часи.

Ключові слова: міф про самозванця, міф про мрійника, міф про переписувача, система сновидінь, життє, міф про шлях, петербурзький текст.

T. I. Tverit'ina, Candidate of Sciences (Philology), associate professor
Kiev university by Borys Grinchenko, Kiev

Three myths about a "little" man in the works of N. V. Gogol

Three myths about a «little» man created by N. V. Gogol are considered in the article. The Gogolian impostors (Kowaljow, Khlestakov) and the peculiarities of their being are investigated. It is paid attention to a certain system of dreams in the Gogolian myth about a dreamer («Nevsky Prospect»). The myth about a copyist in a short story «The Overcoat» can be considered both as an existence and one of the variants of «myth about the way» penetrated with the evangelic motives of the end times.

Key words: myth about impostor, myth about dreamer, myth about copyist, system of dreams, existence, myth about way, Petersburg text.

УДК 812,161.1-1/9

Л. Г. Фризман, д. філол. наук, проф.
Харьков

ЮЛИЙ КИМ – ДИССИДЕНТ ХХІ ВЕКА

Статья содержит характеристику политической лирики Кима последних лет. Она отразила негативное отношение поэта к В. Путину и порядкам, установленным им в современной России. Большинство разбираемых стихотворений не включалось в поэтические сборники и цитируются по интернет-источникам.

Ключевые слова: поэт, стихотворения, политическая лирика, негативное отношение, современная Россия.

Начало ХХІ века ознаменовалось для России приходом к власти Владимира Путина, и одной из его первых акций стало возвращение советского гимна. Эта акция вызвала волну протестов, а когда выяснилось, что новый его текст поручено сочинять вездесущему Михалкову, уже однажды переделывавшему «сталинский» вариант в «брежневский» и заслужившему титулы не только «гимнюка», но и «гимночиста», то к ней добавилась и волна насмешек. Появилось множество остроумных пародий, из которых наиболее широкое распространение получил текст, написанный В. Войновичем. Не остался в стороне и Юлий Ким, гимн которого начинался так: